

Аромат алкоголя, что остался на подушечках пальцев, невесомо витая у кончика носа, поднялся выше, сплелся с его дыханием, дразня губы и язык, и, наконец, влился в живое, бьющееся сердце. Тёплое дыхание, словно пёрышко, скользнуло по шее.

Цзян Шоуянь с сигаретой в руке снова отстранился. Тусклый свет упал на его лицо, придавая ему невинный и какой-то беспечный вид, словно откровенный флирт минуту назад был лишь нелепой иллюзией Чэн Цзайе.

Чэн Цзайе молча смотрел на Цзян Шоуяня, а спустя мгновение перевёл взгляд на бокал на столе. «О чём ты думал, когда я затягивался твоей сигаретой?»

Чэн Цзайе выпил свой первый бокал за сегодняшний вечер. Возгласы Пауло резали слух сильнее, чем К-роп, гремевший со сцены.

— (Ты выбрал выпить? Ты серьёзно выбрал выпить?! Что такого спросил у тебя Райли, что ты решил быть таким неискренним?! Zerphug! Это на тебя не похоже!)

Чэн Цзайе поставил бокал на стол, дно стукнулось о каменную столешницу с чистым, звонким звуком. Он бросил на Пауло равнодушный взгляд:

— (Играет твоя любимая песня, не хочешь попрыгать на танцполе?)

Тело Пауло уже само двигалось в такт музыке, но его мысли были всё ещё заняты лучшим другом. Он перевёл взгляд с Чэн Цзайе на Цзян Шоуяня и обратно, а затем вдруг усмехнулся и шепнул Чэн Цзайе на ухо:

— (Я понял, освобождаю вам место. Только помните: не в туалете этого бара, там совсем нет звукоизоляции.)

Не успел Чэн Цзайе переварить смысл этой фразы, как Пауло уже начал зазывать остальных:

— (Айда на танцпол, повеселимся! Мартим!..)

Ритмичная мелодия К-поп воспламенила всеобщий энтузиазм. К Цзян Шоуяню подошла девушка, чтобы попрощаться касанием щеки.

— (Хорошо повеселиться.)

— (Тебе тоже.)

На прежде переполненном диване мгновенно стало тихо, словно посреди шумного бара образовалось изолированное пространство. В этой тишине сидели только двое.

Цзян Шоуянь затушил сигарету ещё когда подошла девушка. Чтобы занять руки, он снова потянулся к бокалу на столе. Вдруг на его запястье опустилась ладонь сидящего рядом. Цзян Шоуянь повернул голову и увидел, как шевельнулись губы Чэн Цзайе — кажется, он что-то сказал. Цзян Шоуянь не расслышал и нахмурился. Чэн Цзайе придвинулся ближе. Цзян Шоуянь всё равно не слышал. Чэн Цзайе придвинулся ближе, кончики их носов чуть не столкнулись. Чэн Цзайе опешил, затем отвернулся, склонился к самому уху Цзян Шоуяня и произнёс:

— Пей поменьше, ты, кажется, уже пьян.

Цзян Шоуянь долгое время молчал, лишь крутил указательным пальцем кубики льда в бокале.

Секунда, две... Сердцебиение Чэн Цзайе становилось в такт ударным всё более неистовым, отчего вся его грудная клетка начала неметь от вибрации. До тех пор пока плечо Цзян Шоуяня не скользнуло по его груди, и тот не сказал:

— Твоё сердце бьётся так быстро.

Только тогда Чэн Цзайе осознал, как близко они находятся: рука Цзян Шоуяня упиралась прямо в его солнечное сплетение. Чэн Цзайе охватила паника, но Цзян Шоуянь, казалось, не придавал этому значения. Он пошевелил пальцами, кончики которых блестели от вина, и с улыбкой сказал:

— Пойду помою руки.

Чэн Цзайе машинально кивнул:

— Хорошо. — Он не знал, какое у него сейчас было выражение лица, но, вероятно, не очень, потому что улыбка Цзян Шоуяня стала шире. В его и без того манящих глазах плескался влажный блеск, заставляя душу трепетать. Внезапно его хлопнули по плечу. Пауло спросил:

— (На что смотришь?)

Чэн Цзайе опомнился: он уже довольно долго витал в облаках. Пауло оперся локтем о спинку дивана и, наклонившись, тоже посмотрел туда — в пустой коридор, где лучи прожекторов изредка разгоняли мрак по углам.

— (Ни на что), — Чэн Цзайе отвёл взгляд. Лишь полностью расслабившись и откинувшись на спинку дивана, он понял, насколько напряжён был всё это время.

Пауло сказал:

— (Я разузнал для тебя: Райли и правда приехал развеяться, у него дома что-то случилось.)

Чэн Цзайе резко поднял глаза.

— (Мартин особо не вдавался в подробности, всё-таки это личное дело, но одно он гарантировал), — Пауло с ухмылкой придвинулся ближе, — (Райли стопроцентно холост. У него была куча работы, так что времени на отношения не оставалось.)

Чэн Цзайе:

— (Я не просил тебя об этом узнавать.)

— (Я не просил тебя об этом узнавать...) — передразнил Пауло, скорчив рожу и снова лукаво обнажив клычок. — (Будто я тебя не знаю? Советую поскорее хвататься за этот шанс. Такое красивое восточное лицо... Пока он сидел в углу и пил, с него глаз не сводили. Если бы Райл пришёл не с тобой, к нему сегодня за номером телефона целая очередь выстроилась бы.)

Мысли Чэн Цзайе вдруг свернули не туда: он вспомнил, с каким трудом сам добыл его WeChat, и подумал, что Цзян Шоуянь вовсе не тот человек, который раздаёт контакты направо и налево.

Пауло огляделся:

— (Кстати, а где Райли?)

Цзян Шоуянь мыл руки довольно долго. На самом деле он немного ушёл в себя. Он и сам не знал, о чём думает, просто оцепенело смотрел на струю воды и тёр пальцы и ладони, пока кожа

не покраснела, а подушечки пальцев, побелев, не сморщились от влаги.

Шум воды внезапно стих. Цзян Шоуянь медленно моргнул, некоторое время глядя на чужие узловатые пальцы, лежащие на кране. Они показались ему очень знакомыми, словно он их где-то уже видел. Его взгляд скользнул вверх по руке. Увидел кадык, увидел губы, увидел глаза.

Цзян Шоуянь был склонен краснеть от алкоголя. В полумраке заведения, при свете разноцветных огней, это было незаметно, но сейчас, под одинокой лампой дневного света над головой, он был пунцово-красным. Лицо, шея, даже веки покраснели — он напоминал переспелый персик, казалось, даже его дыхание несло неосознанное желание.

Чэн Цзайе вспомнил, как только что вошёл сюда: позади Цзян Шоуяня стоял мужчина и через зеркало в упор сверлил взглядом Цзян Шоуяня, который, опустив голову, мыл руки. Цзян Шоуянь отдавался своему занятию так самозабвенно, что совсем не чувствовал опасного взгляда за спиной и рук, что подбирались всё ближе.

Грязные туалеты баров — идеальноеместилище для первобытной похоти, алкоголь подводит разум и чувства к критической грани распада, оставляя лишь безудержное желание разрядки и наслаждения. Чэн Цзайе перехватил руку мужчины и холодно бросил:

— Вали отсюда.

Мужчина вспыхнул гневом, резко вскинул голову, но тут же сжался под тяжёлым, как гора, взглядом и нависающей тенью Чэн Цзайе. Он тотчас же безразлично пожал плечами и сказал по-английски:

— Неважно, уступаю его тебе.

Чэн Цзайе очень хотел врезать ему, но заметил, что Цзян Шоуянь не совсем в себе: ничего не замечая, он продолжал, опустив голову, мыть руки.

Чэн Цзайе развернулся и нажал на кран, перекрывая воду. Цзян Шоуянь замер и лишь после долгой паузы медленно поднял на него глаза. Чэн Цзайе сказал:

— Цзян Шоуянь, давай я отвезу тебя домой.

«У Чэн Цзайе очень сексуальный кадык». Это была первая мысль, пришедшая в голову Цзян Шоуяню, когда он вышел из бара и ощутил на лице первое дуновение морского бриза. Повинуясь своим мыслям, он остановился и обернулся, чтобы посмотреть на кадык Чэн Цзайе.

Вокруг мельтешили люди, но эти двое, казалось, застыли в собственном мире. Лишь когда Цзян Шоуянь увидел, как выступающий хрящ медленно скользнул по горлу вверх-вниз, он усмехнулся.

— Ты сказал им, что мы уходим? — подняв голову, спросил Цзян Шоуянь.

— Сказал, — ответил Чэн Цзайе.

Ночной морской ветер был очень холодным, шум волн — громким. Чэн Цзайе встал с наветренной стороны, его волосы слегка развевались, он собой надёжно заслонял Цзян Шоуяня от ветра.

— Я пока не хочу домой, — сказал Цзян Шоуянь. — Давай пройдемся.

Цзян Шоуянь развернулся, вышел из этой тихой гавани и направился вдоль ряда стройных пальм к более открытому пространству. Чэн Цзайе в несколько шагов нагнал его.

Они не разговаривали, но шли очень близко друг к другу, кончики их волос временами сплетались на ветру. Их окружала наполненная ветром и плеском волн тишина, изредка нарушаемая шорохом шин проезжающих мимо автомобилей. Свет и тени скользили в уголках глаз. Цзян Шоуянь шёл по гравийной дорожке, опустив голову, и думал: «Если просто идти вот

так всё время вперёд, куда в итоге придёшь?»

— Цзян Шоуянь, — Чэн Цзайе вдруг тронул его за руку, — посмотри туда.

Цзян Шоуянь машинально посмотрел в указанном направлении. Далёкое небо было черным-черно, ему не было видно ни конца, ни края, но слева, вдоль береговой линии, тянулась ровная тёмно-красная полоса света, словно повисшее на горизонте, не до конца рассеявшееся зарево заката.

— Уже больше десяти часов, — весь город клонило в сон, но это тёмное свечение казалось ярким, словно предрассветная заря. — Раньше тоже так было? — Цзян Шоуянь оперся руками о деревянное ограждение.

— Не знаю, я тоже вижу это впервые, — Чэн Цзайе повернулся к нему и с улыбкой сказал: — Всё благодаря твоей удачливости.

Удачливости? Цзян Шоуянь медленно моргнул. Ему это показалось насмешкой — чего-чего, а удачи у него никогда не было.

Шум атлантических волн, накат за накатом, гудел в ушах. Цзян Шоуянь опустил голову и увидел, как тёмная вода яростно разбивается о рифы. Летящие брызги, казалось, разбили и его тело. Он словно коснулся рукой своей одинокой души, коснулся той незаживающей боли, что пряталась под маской спокойствия. Алкоголь проник в эту рану, притупляя желание жить. Ему захотелось прыгнуть вниз. Пусть течение несёт его куда угодно. Он подумал: морская вода такая же холодная, как речная? Что он почувствует сначала — холод или удушье?

Он, похоже, действительно был пьян: движения и выражение лица стали заторможенными. Шатаясь на ветру, то ли сделал движение, то ли нет... но его вдруг резко дёрнули. Взгляд пролетел над морем, метнулся к зареву и, наконец, упал в глаза Чэн Цзайе. Морской ветер не мог продуть его насквозь — он оставался тёплым и живым.

— Здесь сильный ветер, — сказал он. — Я отвезу тебя домой.

Цзян Шоуянь смутно помнил, как вернулся. Он плохо переносил алкоголь, а сегодня вечером пил стакан за стаканом, да ещё и так долго простоял на ветру у дороги. Голова от этого болела и кружилась ещё сильнее.

— Ключи? — спросил Чэн Цзайе, обнимая его одной рукой за плечи и прислонившись к двери.

— В штанах, — ответил Цзян Шоуянь.

Он явно не собирался доставать их сам, поэтому Чэн Цзайе беспомощно спросил:

— В левом или в правом кармане?

Цзян Шоуянь на какое-то время очень серьёзно задумался:

— Забыл.

Чэн Цзайе ничего не оставалось, как проверить оба. В левом было пусто, он потянулся к правому, его рука легла поперёк низа живота Цзян Шоуяня, в процессе поиска трение было неизбежно.

Когда Чэн Цзайе наконец выудил ключи из кармана брюк, он услышал, как Цзян Шоуянь с усмешкой спросил:

— Так долго ищешь... Решил воспользоваться моментом и полапать меня?

Они стояли так близко, что при разговоре их дыхание смешивалось. Чэн Цзайе не смел поднять головы, глухо буркнув, пока открывал замок:

— Я не лапаю.

Дверь со скрипом отворилась. Входя, Цзян Шоуянь споткнулся, ухватился за Чэн Цзайе и по инерции потянул его за собой. Тот пошатнулся, и так, цепляясь нога за ногу, они ввалились внутрь и рухнули прямо на диван.

Одна рука Чэн Цзайе оказалась под головой Цзян Шоуяня, другая упёрлась в спинку дивана. Между ними струился лунный свет, глаза Цзян Шоуяня были очень тёмными и блестящими. Он лежал под Чэн Цзайе, слегка приоткрыв рот, сквозь зубы виднелся влажный красный кончик языка.

Чэн Цзайе вдруг стало жарко. Он увидел, как Цзян Шоуянь протянул руку, кончиками пальцев слегка коснулся его плеча, опустил веки и, приподняв подбородок, начал понемногу приближаться к нему. Чэн Цзайе смотрел как замороженный, но при этом отчётливо понимал, что так поступать неправильно.

Поцелуй, в некоторой степени, — процесс взаимного исследования внутреннего мира, выплеск страсти, продолжение любви. Он не хотел получить поцелуй от человека не в себе, и не хотел делать подобные вещи, пока они официально не подтвердили отношения. Поэтому раньше он и не смог ответить на вопрос Цзян Шоуяня: ему казалось, что просто произнести такое вслух было бы оскорблением и неуважением к Цзян Шоуяню.

Тёплое дыхание приблизилось — такое влажное и такое сладкое. Чэн Цзайе сжал губы и отвернулся. Цзян Шоуянь не остановился, но, кажется, он и не собирался его целовать. Он лишь медленно приблизил губы к уху Чэн Цзайе, прижавшись к плечу, словно чтобы потереться об него.

— Ты, кажется... — Цзян Шоуянь сделал паузу, подыскивая слово, которое было бы точным, но не грубым, — ...в меня упираешься.

Чэн Цзайе замер.

<http://bllate.org/book/14908/1340828>